

Социальное измерение «глобального всеобщего достояния»: можно ли преодолеть неравенство в мире?

Олег Барабанов, Антон Беспалов,
Ксения Ибрагимова, Василий Колташов,
Дмитрий Полетаев, Екатерина Саворская

Данный текст отражает личное мнение автора или группы авторов, которое может не совпадать с позицией Клуба, если явно не указано иное.

ISBN 978-5-6043044-7-1

© Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2019

Российская Федерация, 115184, Москва,
улица Большая Татарская, дом 42

Об авторах

Барабанов Олег Николаевич

Доктор политических наук, профессор РАН,
программный директор Международного дискуссионного клуба
«Валдай», профессор МГИМО МИД России

Беспалов Антон Сергеевич

Кандидат политических наук, заместитель главного редактора сайта
Международного дискуссионного клуба «Валдай»

Ибрагимова Ксения Александровна

Ведущий эксперт управления научной политики
МГИМО МИД России

Колташов Василий Георгиевич

Директор Института нового общества

Полетаев Дмитрий Вячеславович

Кандидат экономических наук, директор Центра миграционных
исследований, ведущий научный сотрудник Института
народнохозяйственного прогнозирования РАН

Саворская Екатерина Владимировна

Кандидат политических наук, доцент факультета мировой политики
МГУ им. М.В. Ломоносова

Содержание

- 3 Введение
- 4 Глобальное общество в современном мире
- 10 Глава 1. Мир в режиме новой трансформации
- 22 Глава 2. Миграция и «глобальное всеобщее достояние»
- 26 Глава 3. Свобода информации как часть «глобального всеобщего достояния»
- 32 Глава 4. Инновации как элемент «глобального всеобщего достояния»
- 37 Заключение.
Глобальное управление через призму «глобального всеобщего достояния»
 - Глобальное социально-экономическое равенство
 - Стремление к достойному уровню жизни
 - Свобода информации
 - Доступ к научному знанию и инновациям

Введение

Одной из ключевых современных тенденций является постепенно наблюдающийся сдвиг от «чистой» геополитики и мягкой/жесткой силы суверенных государств к проблематике глобальных вызовов (экологических, ресурсных, демографических, общественных). В течение прошедшего десятилетия сам этот термин «глобальные проблемы» кристаллизовался в новое понятие – «глобальное всеобщее достояние» (Global Commons), понимаемое в узком экологическом смысле и в более широком – социальном. Оно обсуждается как в формате ООН в контексте Целей устойчивого развития, так и на различных международных площадках. На XIV Ежегодном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» в октябре 2017 г. была проведена целая серия сессий на эти темы («Конфликт человека и природы», «Конфликт богатых и бедных», «Конфликт прогресса и гуманизма»).

Следует отметить, что этот термин «глобальное всеобщее достояние» сразу же получил многозначное толкование. В узком смысле слова под ним понимается окружающая среда: воздух (и климат), питьевая вода, пахотные ресурсы, биоразнообразие и прочее¹. А в расширительном смысле слова термин включает и социальное общее достояние планетарного человеческого общества: доступ к здравоохранению, к минимальной (а затем и к продвинутой белковой) пищевой корзине, к комфортной городской и общественной среде и т.п. И в самой радикальной и расширительной трактовке как один из компонентов «глобального всеобщего достояния» воспринимается и планетарное (т.е. трансграничное) единство человеческого рода.

¹ Международный дискуссионный клуб «Валдай» опубликовал в декабре 2018 г. свой доклад по экологическим аспектам «глобального всеобщего достояния»: Барабанов О.Н., Саворская Е.В. Глобальные экологические идеологии: можно ли разрешить конфликт человека и природы? М.: МДК «Валдай». 2018. URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/24162/>

Глобальное общество в современном мире

Процесс «осыпания» мирового порядка, разрушение старой системы международных отношений и союзов, всё более реальная перспектива непредсказуемого мира-хаоса касаются не только политических сфер, но и глобального общества, которое тоже начинает всё больше меняться. Проявления этого затрагивают как отношения социума и власти в отдельных странах, так и общемировые тенденции.

Это приводит к тому, что ощущение глобальной значимости социальных изменений получает отклик не только в политической практике, но и на ценностно-идеологическом уровне. Примером тому служит эволюция и расширение смысла ценности «глобального всеобщего достояния». Если раньше она понималась прежде всего в экологическом плане — как необходимость глобальной сопричастности к охране природы и климата, то сейчас всё чаще формулируются призывы к социальному пониманию этого термина — как разделяемой всеми основе для гармоничного функционирования глобального общества в предстоящие десятилетия.

Отправной точкой для этих изменений стало выплеснувшееся наружу *отчуждение элит от общества* в ведущих странах мира. Если в предыдущее десятилетие протест против такой отрешённости хотя и принимал яркие формы в антиглобалистском движении, но не затрагивал широкие социальные слои, то сейчас ситуация стала другой. Сначала экономический кризис рубежа десятилетий привёл к феномену превращения потребителей в сообщество граждан. Впервые проснувшиеся у многих тогда чувства гражданской ответственности и сопричастности (и требование такого же от власти) привели к мощным уличным протестам и формированию новых лево-прогрессистских движений, отрицавших закоренелые элиты и старый порядок (своего рода *l'ancien régime*). В ряде стран они добились серьёзного электорального успеха.

Но только ими дело не ограничилось. Открытая критика этими движениями не просто отдельных представителей власти

или партийных коалиций, но всей существующей политической системы в целом привела к снятию табу на протестные мысли у ещё более глубинных слоёв общества, у совсем простого человека в нейтральном смысле слова. Эти сегменты общества не были готовы к серьёзной политической самоорганизации и уличным демонстрациям, на них, в отличие от прогрессистских движений, не обращали внимание леволиберальные СМИ. Своё недовольство они могли выразить только одним способом – своим голосом на выборах. Это привело (в силу превалирующих настроений в этих социальных слоях) к внешне неожиданному для старых элит, но вполне закономерному электоральному успеху несистемных правых сил в последние годы. При этом осознанное отрицание политкорректности и предвыборный популизм стали не самоцелью, а лишь инструментом в этом процессе. В итоге мы видим нарастающее чувство усиления дефицита демократии и слева, и справа. Тем самым трансформация отношений общества и элит приобретает устойчивый и качественно иной характер и внутри Запада, и в глобальном масштабе. И в результате вопрос о реальной демократии как «глобального всеобщего достояния» (а не о ставшем привычным при старом порядке электоральном воспроизводстве элит в обществе потребления) становится ключевым для будущей социально-политической динамики мира.

Ещё одним серьёзным вызовом стала трансляция «токсичности» международных отношений в общественное мнение различных стран. Отличие сегодняшней ситуации от прежних конфликтов состоит в осознанном и почти абсолютном отказе от «этики холодной войны» и курсе на полную демонизацию соперника. Отсюда и новые термины – «токсичность отношений», «токсичная война». Соответственно, вновь востребованным становится медийный образ внешнего врага. При этом он важен не только сам по себе, но и как удобный повод для отвлечения внимания от внутренних проблем и кризисов. В результате получается показательная картина: например, выборы (или референдум) проиграны не вследствие того, что общество разочаровалось в элите, а потому, что «токсичный» внешний враг в них вмешался. Естественно, что такой подход требует особого (если не сказать, тотального) информационного и медийного сопровождения. Таким образом общество в ведущих странах мира, пожалуй, впервые за несколько десятилетий стало прямым объектом для манипуляций со стороны подконтрольных власти средств массовой информации. В определённой степени надо

признать: эта стратегия оказалась достаточно эффективной в среднесрочном плане. И новые фобии, транслируемые в социум с помощью СМИ, серьёзно меняют общественное мнение и делают его менее восприимчивым к открытому и самокритичному диалогу. Но то, что при этом резко ограничивается право на свободу взглядов, служит ещё одним шагом на пути к укреплению того демократического дефицита, о котором упоминалось выше.

При этом надо отметить, что информационная война Запада и России, понятно, является, главным примером такого подхода. Но далеко не единственным. Достаточно почитать о том, что пишет сейчас британская пресса по поводу ЕС и его лидеров для того, чтобы убедиться, что этот приём медийной демонизации и «токсичности» стал востребован и во внутриамериканских связях. Прогрессирующее ухудшение отношений США с Европой и Китаем также начинает получать соответствующее медийное сопровождение. Один раз опробованный «запрещённый» приём становится соблазном к его дальнейшему (и постоянному) использованию. В итоге термин *fake news* остаётся не просто эмоциональной репликой Дональда Трампа, но правилом информационной политики в ведущих странах мира. Что, естественно, серьёзно трансформирует общество (причём в равной мере как верящих в эти новости, так и отторгающих их). И это ставит на повестку дня вопрос о *свободе информации* как одного из компонентов «глобального всеобщего достояния», то есть не просто в рамках отдельных государств, но как вновь осознанной части «всеобщего достояния».

Острый характер в последние годы приобрела *проблема глобальной миграции*. Кризис с наплывом переселенцев в ЕС, приведший к распаду европейской солидарности, стал ярким примером этому. Ксенофобский дискурс всё более открыто слышен в риторике несистемных правых сил, их электоральный успех доказывает востребованность такого рода установок у избирателей. Одной из ключевых составляющих феномена «трампизма» является именно противодействие мигрантам. Стена Трампа стала символом желания «золотого миллиарда» отгородиться от остального мира, вновь актуализировала дискуссию о разрыве между Севером и Югом и задала очень острый вопрос: должна ли солидарность с мигрантами восприниматься в ценностном плане как часть глобальной этики и «общественного достояния», или же переселенцы — это угроза, и реагировать на неё нужно соответственно.

Если спроецировать проблему мигрантов в будущее, то она встраивается в ещё более широкий идеологический контекст планетарного единства человеческого рода. Ключевым здесь является постулат о праве всех на *равный доступ к ресурсам* (причём всех не только в рамках той или иной страны, но и в рамках мира в целом). В общих словах никто с этим не спорит (императив глобальной этики), но на деле ситуация гораздо более сложна. В политической идеологии развивающегося мира всё более чётко формулируется акцент на неокOLONIALИЗМЕ в его различных формах (экологической, демографической, образовательной, технологической и иных). Всё это приводит к тезису, что Запад/Север под различными предлогами отказывает глобальному Югу в праве на развитие. При этом, по этой логике, когда высокоразвитые страны проводили свою индустриализацию, они совсем не думали ни о защите окружающей среды, ни об охране труда и без стеснения выкачивали ресурсы из своих колоний. И в будущем такой, внешне парадоксально обусловленный заботой о «глобальном всеобщем достоянии», неокOLONIALИЗМ будет только нарастать. И поэтому страны глобального Юга никогда не достигнут уровня развития Запада/Севера. И соответственно, глобальное право на равный доступ к ресурсам останется фикцией.

**Вновь востребованным
становится медийный
образ внешнего врага**

И поэтому в таких условиях единственным способом для его реализации является право на миграцию. В такой логике переселение становится не вынужденным шагом от безысходности, а неотъемлемым правом. Ведь если каждый имеет прерогативу жить лучше (с чем по императиву глобальной этики никто не спорит), то отсюда всего один маленький логический шаг до того, что каждый может жить там, где ему комфортнее. Ведь если в условной Германии живётся лучше, чем в условной Эритрее, то тогда жители Эритреи имеют право на миграцию в Германию. И здесь уже лозунг «Германия для граждан Германии», лежащий в основе суверенитета, устаревает и приходит в противоречие с ценностью права на развитие. Тогда условная благополучная Германия становится собственностью не только её граждан, но глобальным достоянием всего человечества, и каждый имеет право на эту ценность. Появляется свежий лозунг (и новая ценность): «Германия для всех». И в итоге уже сейчас формулируется, пожалуй, самый острый и взрывоопасный в будущем вопрос о праве на миграцию как компонента «глобального общественного достояния». Понятно, что такая глобальная

социально-политическая динамика является крайне серьёзным вызовом суверенитету (и институту государства в целом) и может привести к принципиально новым типам конфликтов, абсолютно отличным от традиционных геополитических споров «старого порядка».

Кризис с мигрантами, рост несистемных правых идей, современные процессы в исламском мире – с разных сторон высветили ещё одну проблему глобальной социальной динамики: это *вопрос об идентичности*. И здесь формируется растущий вызов стереотипному восприятию глобализации как инструменту неизбежного стирания различий между людьми на планетарном уровне. Понятно, это сопровождается политкорректными высказываниями о «единстве в многообразии», о том, что все сохраняют свои фольклорные песни и так далее, но суть направления развития от этого не меняется. Парадоксально, но и антиглобалистское движение предыдущего десятилетия в целом не отказывалось от этого вектора, акцентируя свою критику лишь на деятельности корпораций и международных финансовых институтов и позиционируя себя не как антиглобалисты, а как «альтерглобалисты».

Сейчас же проблема отстаивания собственной идентичности (религиозной, культурной, исторической, поведенческой), а также и гораздо более острый вопрос о праве на защиту своих особенностей на любых территориях (и «дома», и «в гостях») и при всяких обстоятельствах звучат всё более отчётливо. Тем самым вопрос об идентичности трансформируется в право на отказ от глобальности как части «глобального всеобщего достояния». Brexit и евроскептики показали, что даже внутризападные интеграционные проекты воспринимаются как недопустимая угроза такому пониманию идентичности, а в отношениях Запада и не-Запада всё это звучит ещё острее.

Нелишне отметить, что эту логику на охрану индивидуальной идентичности как неглобальности активно применяют государства, выдвигая типологически сходные аргументы в пользу защиты права на свою суверенность, воспринимая внешнее политическое давление на себя в контексте глобальных ценностей и «всеобщего достояния» как угрозу собственной «суверенной идентичности». Отсюда вырастают концепции «суверенной исторической памяти», «суверенной экологии», «суверенной демократии» и другие.

Составной частью этих дискуссий о социальной глобальности/идентичности всё более открыто становятся крайне неполиткорректные, а зачастую и просто опасные аргументы в пользу морального превосходства тех или иных групп. Например, требования западных обществ от мигрантов, чтобы они вели себя соответственно правилам принимающего сообщества, часто выливаются в откровенный расизм и исламофобию. И своего рода «западное моральное превосходство» (Western moral supremacy) тут проявляется с полной силой. Естественно, это вызывает ответную реакцию отторжения. В этом контексте мигранты, с одной стороны, говорят о вышеупомянутом праве на сохранение своей поведенческой идентичности в любом месте как глобальной ценности и требуют уважения этого их права. С другой стороны, мигранты на основе своих религиозных и культурных установок ставят вопрос (не всегда необоснованный) о бездуховности принимающего западного общества, о том, что они с моральной точки зрения ощущают себя гораздо более цельными, чем люди Запада, несмотря на претензии на вышеупомянутое западное этическое превосходство. В итоге такая фрагментация глобальности очень быстро превращается в вопрос «кто лучше?». И, естественно, приводит к росту враждебности и экстремизма с обеих сторон. Эффективных попыток примирить эти взаимоисключающие позиции пока совсем немного.

**Если в условной
Германии живётся
лучше, чем в условной
Эритрее, то тогда жители
Эритреи имеют право
на миграцию в Германию**

Таким образом, деконструкция мирового политического порядка сопровождается серьёзной деформацией социальных систем глобализации. Кристаллизующиеся сейчас новые противоречивые, а то и провокационные установки общественного восприятия «глобального всеобщего достояния» становятся вызовом не только «старому порядку» отношений элит и общества в смысле *l'ancien régime*, но и традиционному восприятию суверенитета и институту государства в целом. Приведёт ли это к всплеску новых разноуровневых глобальных конфликтов (общества против элит, бедных против богатых, Юга против Севера и иных)? Этот риторический вопрос может серьёзно дополнить картину «типичных» геополитических конфликтов в мире будущего после слома старого порядка.

Глава 1. Мир в режиме новой трансформации

Социально-экономические аспекты «глобального всеобщего достояния» изменились в 2008–2018 гг. под влиянием всей эпохи глобального спада. Это время представляло собой специфическое повторение кризисных 1973–1982 гг., когда закончилась очередная стадия формирования мировой экономики – повышательная волна по Николаю Кондратьеву. Второе десятилетие XXI в. завершает понижательный период развития мира, когда в нём господствовал «Вашингтонский консенсус» и наблюдалось (пусть хрупкое и неполное) взаимопонимание между государствами.

Описывая перелом 1970-х гг., французский историк Фернан Бродель отмечал: кризис в мире не является обычным, как думали многие экономисты, а демонстрирует эпоху перелома, которая изменит и нашу жизнь, и существование наших детей. За тем кризисом последовала глобализация, а в международных отношениях – разрядка, а после – и конец холодной войны. Непонимание перелома 1970-х гг. лучше всего выразил президент США Ричард Никсон, который сказал, что «все мы здесь кейнсианцы». Но эпохи экономических и политических доктрин конечны. На смену идеям Джона Кейнса пришёл неолиберальный подход, что в условиях 2008–2018 гг. показало свои слабости.

Аналогия с 1970-ми гг. не случайна. Мир прошёл отрезок пути под названием финансовая глобализация и начал развиваться на основе обновлённых меркантильных принципов – соперничества экономических центров. В сущности, «аналогия» здесь – это не уподобление, а новый поворот, меняющий понимание «глобального всеобщего достояния» и практическое отношение к всеобщим существующим ценностям. Закончилась эпоха глобализации, сменившись регионализацией, современное обсуждение «глобального всеобщего достояния» подводит итог этих десятилетий и ставит вопросы на будущее, которое отнюдь не выглядит ясным и бесконфликтным. Но все поставленные ныне проблемы развития и ценностей – это задачи на целую экономическую, культурную и политическую эпоху ближайших 20–25 лет. Это также темы, необходимые для её понимания.

Что оставлено в прошлом? Позади свобода движения капиталов и товаров. Они не господствовали на 100%, но провозглашались глобальной ценностью. Однако известно, для завершения создания национального рынка необходим был ещё один элемент – свобода движения человека, то есть рабочей силы. Этот компонент в эпоху глобализации перемещался очень ограниченно и двигался вопреки существовавшим правилам. Границ даже стало больше, так как возникло много государств, следом же увеличилось количество виз, жёстче стал весь миграционный курс. Поэтому провозглашённое идеологами глобализации объединение мира приняло не те формы, что они обещали.

1970-е гг. заканчивались с очень сильной экологической повесткой дня, когда в США, в Западной Европе был поставлен вопрос о том, что жить в таких загрязнённых условиях нельзя. Но реальность трёх последних десятилетий оказалась несколько иной, потому что правила Всемирной торговой организации (ВТО) исключали возможность ограничения ввоза товаров исходя из условий изготовления продукции. То есть будь то грязное производство с нанесением огромного вреда нашей общепланетарной окружающей среде, будь то применение детского труда, будь то использование даже подневольной рабочей силы – всё это было оставлено за скобками и не имело значения. Был важен только один параметр – цена товара, если он включён в процесс международного обмена.

Переселение людей было ограниченным, хотя оно всё-таки было достаточно большим. Но скорее фиксировалось перемещение капиталов. То есть не столько люди переезжали поближе к рабочим местам, сколько рабочие места перемещались к людям, потому что капиталы приходили то в Мексику, то в страны Азиатско-Тихоокеанского региона, то в Китай, то есть эти регионы просто получали инвестиции. И миграция здесь была за пределами некоего принципа свободы передвижения. Таким образом, студенты, которым вроде бы в университетах и колледжах говорили о единстве мира, о всеобщих правах, реализации возможности жить, где хотят, были ущемлены в этом. По данному параметру и в мире, и во многих странах наблюдались ограничения. Китай смягчил свои правила относительно недавно – после 2008 г.

Такие черты имела минувшая эпоха, которая отличалась наличием определённого доверия между странами. В 2008–2009 гг. «Группа двадцати» ещё действительно строилась на некоем консенсусе. Согласие

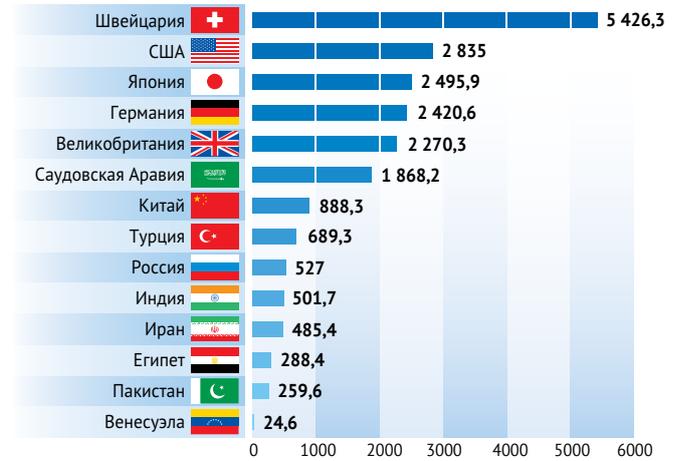
МИРОВОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ БОГАТСТВА

Сверхбогатство в мире

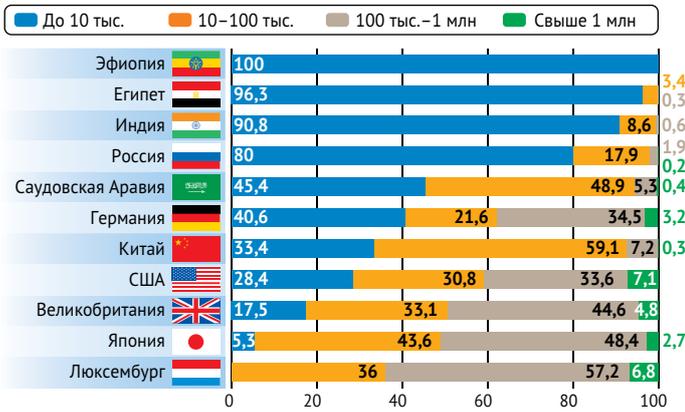
Источник: Оxfam, 2019.

Размер средней заработной платы в мире на июль 2019 года (\$)

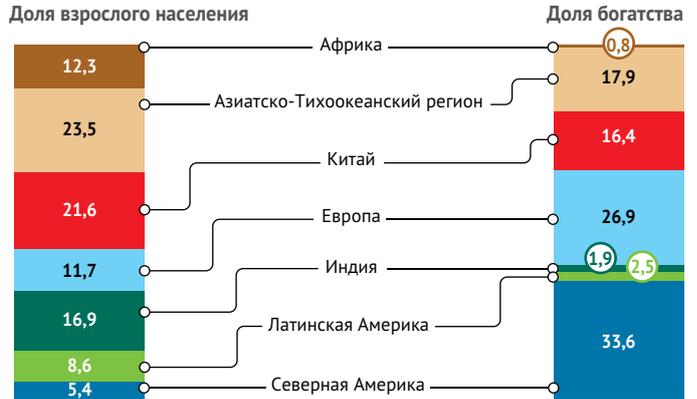
Источник: Международная организация труда (МОТ).

Структура трудоспособного населения по уровню годового дохода (\$)

Источник: Credit Suisse Global Wealth Report, 2018.

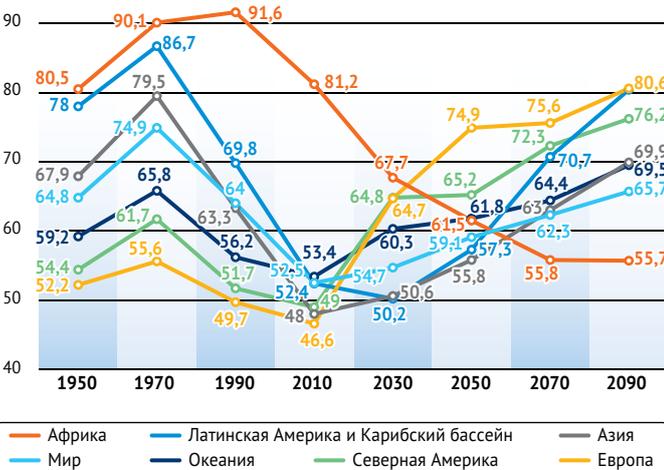
Региональная структура мирового распределения богатства в 2018 году (%)

Источник: Credit Suisse Global Wealth Report, 2018.

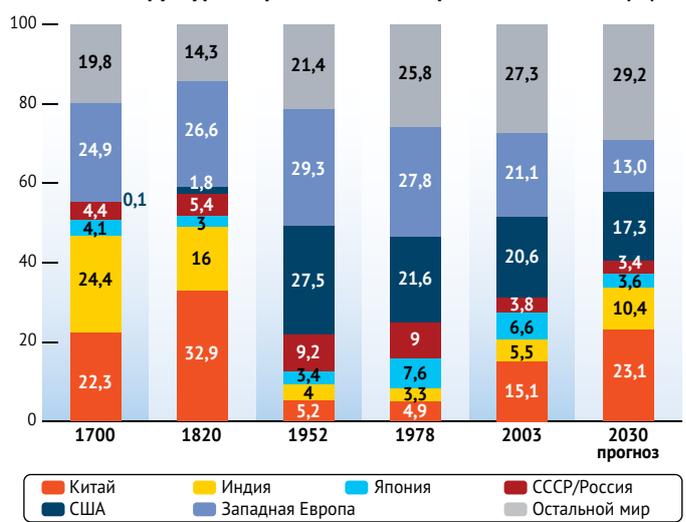
Общий коэффициент демографической нагрузки по регионам

Демографическая нагрузка - нагрузка на трудоспособное население непроизводительным населением (детей 0-14 лет, пожилых от 60 лет и старше)

Источник: United Nations Population Division, World Population Prospects, 2017.

Изменение структуры мирового ВВП по странам 1700-2030 (%)

Источники: Maddison A, 2007, 'Chinese Economic Performance in the Long Run, 960-2030 AD'.

базировалось на том, что было необходимо стабилизировать финансовую систему, не допустить экономического краха США и не попасть в воронку перманентного кризисного падения, которое и без того создаётся проблемами в США. В этот период спад 2008–2009 гг. воспринимался как экономическое недоразумение, которое может быть преодолено совместными усилиями. Борьба с экономическим кризисом сообща должна была оставить в наследство ещё больший консенсус элиты.

В 2013–2016 гг. ситуация резко изменилась. Фактически этот период стал главным в трансформации глобальной среды и восприятия мира. Началась вторая волна кризиса, которая накрыла в основном БРИКС и страны с экономиками меньшего размера. США и Западная Европа почти не пострадали от экономического спада. Более того, в 2014 г., когда государства с большим экспортом сырья переживали шок от экономических потрясений, в США фиксировался приток капиталов, положительная динамика подчёркивалась властями. В этот момент произошло первое значимое рассогласование, которое в конце 2018 г. имело серьёзные последствия, меняющие глобальную реальность.

Что же произошло? Обозначился конфликт между двумя капиталистическими группами в мире: старыми промышленными странами, прежними центрами капитализма, и новыми центрами капитализма (в основном евразийские, а не латиноамериканские или африканские). Их можно перечислить: Китай, Россия, Иран, Турция, Пакистан и Индия. Дели вроде бы является партнёром Вашингтона, хотя и достаточно лавирующим. Индийцы скорее используют условия, то есть они не находятся в конфликте. А вот Бразилия из игры выведена, как и Южная Африка, хотя это были мощные центры с большим потенциалом.

Если взглянуть на это разделение с точки зрения экономики, видно, что фиксируется конфликт между финансовым капиталом (Запад) и производственным капиталом (Евразия). Потому что старые центры капитализма – это прежде всего финансовая база. Это Нью-Йорк, Лондон, в меньшей мере Берлин и в равной мере Токио, Сингапур и некоторые другие отдельные экономики, с ними относительно тесно связанные. А если мы посмотрим на области Евразии, то это производственные страны, некоторые из них – новоиндустриальные государства. С этого момента социальные процессы пошли в этих двух группах государств по-разному.

Финансовые центры — старые индустриальные страны («Группа семи») оказались достаточно сильными, устойчивыми и способными выставить претензии другой группе, суть которых в том, что те должны предоставить им ресурсы в форме «открытия экономики» и через «программы либерализации и дерегулирования», фактически передав их под контроль корпораций условно западных стран. В отношении Китая это называется «сделать Китай открытым по-настоящему». В случае России — заставить её подчиняться требованиям международного сообщества. Всё это формы, скрывающие стремление разрешить социальный и финансовый кризис за счёт ресурсов другого лагеря, а точнее — выросших экономик вчерашней периферии и полупериферии, ныне почти вышедших на иные позиции.

В старых центрах капитализма верхи настроены на новое расширение влияния, внешне похожее на экспансию 1980–1990 гг. В это время, после того как эпоха кризиса завершилась, захват проводился благодаря диалогу. То есть западные страны, как их часто принято называть — страны богатого Севера, протягивали руку «развивающимся экономикам» и говорили: открывайте ваш рынок, мы дадим вам инвестиции, у вас есть рабочие руки, мы возьмём некоторые ваши товары на свои рынки, взамен вы примете наши условия мировой торговли. Имела место сделка между элитами государств центра и периферии, включая и полупериферию.

Сделка между элитами по старому принципу более не предполагается. Планируется, что новые центры (ещё недавно полупериферия или периферия мировой системы) должны сдать позиции и просто капитулировать, обеспечив этим опору для старых центров. Проводя такую линию, верхи многовековых центров капитализма специфически воздействуют на низы. Это воздействие у нас сейчас часто воспринимается как общественное мнение Запада. Однако это скорее некое воздействие на пустоту в сознании людей с целью подменить какие-то их представления и создать им определённое настроение. В результате каждый токийский или парижский таксист должен знать, кто такие Скрипали, что с ними случилось, хотя к его материальным проблемам это не имеет никакого отношения и является, с его точки зрения, третьеплановой новостью. Но его мысли пытаются занять именно этим, чтобы помешать индивиду думать о реально важных для него вопросах.

Вместе с тем для правящих кругов старых центров необходимо проводить политику расщепления в отношении низов собственного общества, то есть фрагментировать социум и управлять фрагментами. Так, мусульмане

из отсталых стран в этой логике должны сохранить свою идентичность, свою культуру, для чего получают особые права. Особые права даются сексуальным меньшинствам, включая, например, квоту на иммиграцию и право на особый «социальный» пакет государственной поддержки. Бельгия, например, предоставляет квоты на въезд представителям такого рода меньшинств. Всё это касается культурных, этнических и религиозных групп. Наблюдается отказ от принципа единства, равенства прав и обязанностей, то есть равного их распределения между людьми, классического буржуазного, и происходит смещение к нефеодалному, если мы говорим о правовой практике, расщеплению общества и многообразия прав для разных его сословий. И мигранты здесь являются необходимым элементом, они должны способствовать расщеплению общества и препятствовать его сопротивлению невыгодной массе граждан экономической, социальной, культурной и иной политике.

Деконструкция мирового политического порядка сопровождается серьёзной деформацией социальных систем глобализации

Иные процессы можно наблюдать в странах, которые относятся к группе евразийских новых центров капитализма. Хотя между ними различия очень велики и практики тоже отличались, но по итогам 2008–2018 гг. верхи ориентированы на защиту своих коммерческих позиций в мире, частного корпоративного сектора и в то же время на распространение продукции на внешние рынки. Так как для них важна товарная экспансия, они не заинтересованы в разрыве финансовых пузырей на Западе, потому что конечный покупатель всё ещё там – в США и ЕС. А низы таких стран оказываются в ситуации плавильного котла.

Начинается формирование относительно однородной среды. Это происходит в силу просто самого процесса производства, когда идёт расширение посевных площадей, запускаются новые индустриальные, торговые и сервисные компании, где вместе работают как граждане, так люди из других стран, переселившиеся ради трудоустройства. Показательно, что пуск новых промышленных предприятий в России в 2017–2018 гг. способствовал развитию этого процесса. Ещё ранее переселенцы из государств Центральной Азии стали перевозить в Россию собственные семьи, увеличилось число женщин-мигрантов, связывающих свою судьбу со страной, куда они первоначально приехали работать. А в условиях экономического роста придётся принимать больше и больше рабочей силы, и эти люди не должны быть изолированы, а их, наоборот, нужно активней включать в хозяйственную деятельность – помогать им в адаптации.

В итоге уже сейчас неолиберальная фрагментация общества сохраняется в одних зонах планеты, а в ряде евразийских экономических центров стихийно идёт классическая «выплавка» относительно однородной массы. Этот процесс появления чего-то нового в культурно-социальном смысле будет связан со взаимодействием новых евразийских центров капитализма, что, по-видимому, будет происходить в условиях весьма непростого соперничества, уже сейчас начинающегося в форме «войны санкций» и торговых конфликтов. В результате классическое деление мира на богатый Север и бедный вечно отсталый периферийный Юг явно нарушено ходом истории, когда – как это уже не раз происходило – на сцену выступили новые центры развития – в континентальной Евразии, которые связаны с рынками условного Севера, но при этом всё более самостоятельны. Не став финансовыми очагами, они имеют шанс стать точками быстрого накопления реального капитала, а значит – развития.

Глобальный Юг остаётся. Огромные части планеты демонстрируют не вполне понятную ситуацию – они не прошли до конца трансформацию, которую запустил кризис как изменяющая мировые правила и политику страны эпоха. Напротив, евразийские страны проходят эти преобразования болезненно, неохотно, но идёт расширение линейки производимых и вывозимых товаров, меняется экономическая стратегия, где-то министров хозяйственного развития сажают в тюрьму, якобы, лишь за взятки. В Китае Си Цзиньпин надевает френч Мао Цзэдуна как символ национального суверенитета и коммунистических революционных традиций и тем самым подаёт обществу сигнал.

В обстановке нового соперничества Парижское соглашение по климату оказалось фактически утопией. Оно не было подходящим и, вероятно, не может быть в новых условиях приемлем никакой иной договор о сотрудничестве между объективно противопоставленными группами стран, каждая из которых решает свои задачи. Фактически все свободны предъявлять друг другу любые требования и санкционировать за условия производства. И именно поэтому ЕС сейчас так озабочен реформой ВТО, поскольку видно: все правила находятся в процессе турбулентного изменения, всё трансформируется, причём меняется и в силу эмпирических задач текущего момента, как это имело место с CO₂.

Ещё одним социально-экономическим аспектом реальности, в которой понимается «глобальное всеобщее достояние», является неравномерно

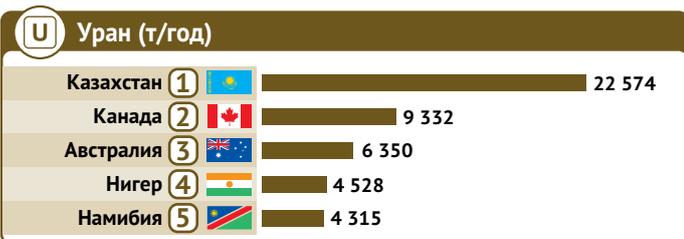
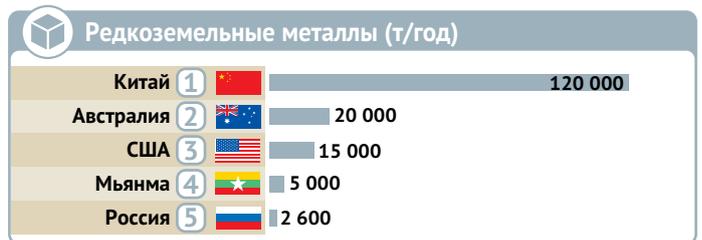
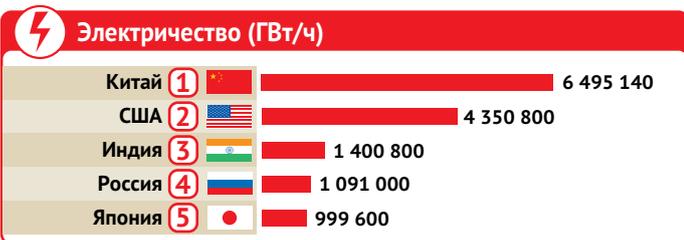
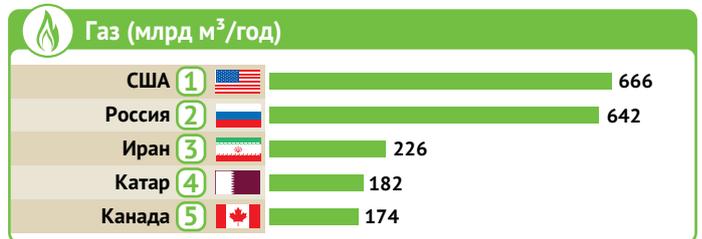
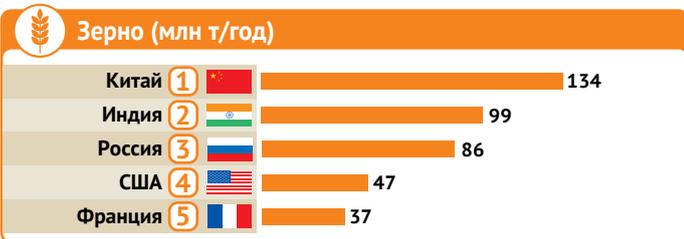
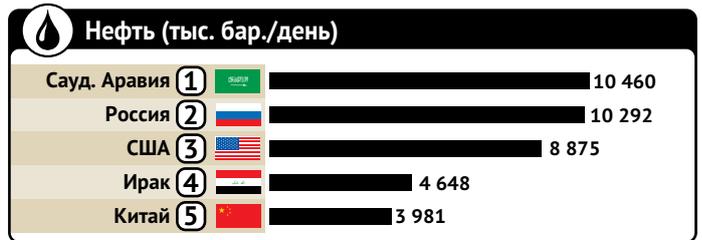
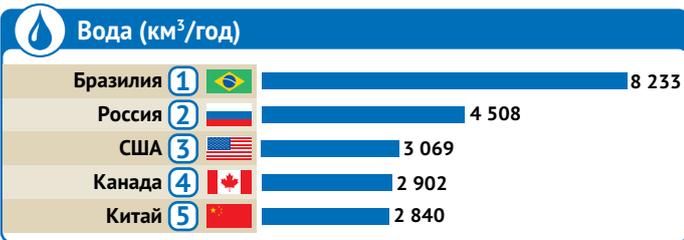
распределённый хозяйственный статус рабочего класса. Примерно в 1950 г. в мире победила, говоря условно, пролетарская экономическая революция: в массе люди наёмного труда в индустриально развитых странах стали для производства главными потребителями, начали стимулироваться посредством кейнсианской политики. Переворот этот был обеспечен ростом числа наёмных работников и невозможностью без превращения этой массы в покупателей реализовывать возрастающее количество товаров. Западный рабочий стал главным потребителем мирового хозяйства.

По итогам 2008–2018 гг. сохраняется неравномерное распределение этой специфической, рыночной страты наёмных работников. Так, средний американец получает более внушительную заработную плату относительно большинства трудящихся новых промышленных стран. Эта существенная цена рабочей силы создана в результате развития фондового рынка и высокого курса национальной валюты. Её оборотной стороной было и остаётся дороговизна создаваемого продукта, его недостаточная конкурентоспособность даже на внутреннем рынке. Поэтому США наращивают вывоз углеводородов. Хотя Америка 1950–1960-х гг. могла бы все эти ресурсы потребить внутри страны и произвести собственную продукцию, затем направив её на внешние рынки. Но современным США это сделать затруднительно. Подобное положение существует и в ЕС. Эти зоны имеют самого выгодного потребителя для новых центров промышленного производства, и Китай особенно боится потерять их.

Реальность же экономического положения на Западе такова, что власти пытаются сделать наёмный класс беднее, чтобы предотвратить обесценивание доллара и евро. Они также аргументируют его как социально-политическое дело. Широкие слои заставляют думать о том, что их не интересует, даже не касается, убеждают их «играть в субкультуры», продвигаемые в «правовые гетто». Это остаётся пока частью новой реальности. Хотя нельзя гарантировать, что это разделение сохранится в ближайшие десятилетия. Может быть, новая фаза глобального кризиса изменит сложившееся равновесие, преобразует ситуацию, но, видимо, это всё-таки надлежит учитывать как долговременный фактор.

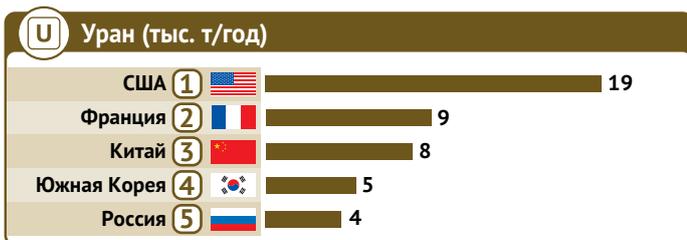
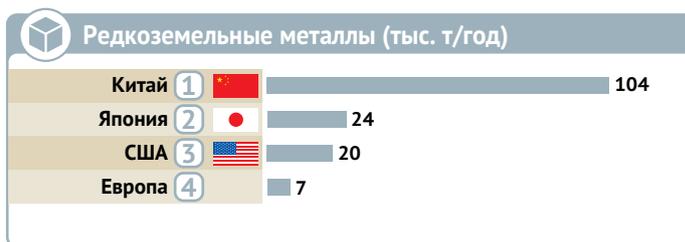
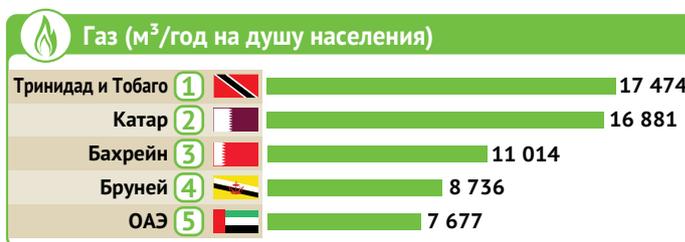
«Группа двадцати» в новых социально-экономических условиях становится не платформой для консенсуса, а базой для обсуждений и полемики. На встречах до 2014 г., когда «Группа двадцати» была рабочим антикризисным органом, все друг друга понимали, теперь же на площадке идут

РЕСУРСЫ: ЛИДЕРЫ ПРОИЗВОДСТВА

Источники: The World Factbook, WB, ОПЕК, интернет-источники.

РЕСУРСЫ: ЛИДЕРЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ

Источники: The World Factbook, WB, ENI, интернет-источники.

споры, сталкиваются противоположные позиции и разные видения мира. Аналогичная ситуация наблюдается с ООН, которая перестала быть структурой решения политических споров. В современных условиях текущая задача «Группы двадцати» – это принятие во внимание интересов новых центров, без согласия которых по важнейшим вопросам невозможен консенсус. Он не может быть ни предложен в готовом виде, ни навязан, как нередко было. Другим направлением работы «Группы двадцати» может быть сдерживание сторон так, чтобы имеющиеся противоречия не усилились ещё более.

Данные тенденции имеют место в мире, где всё большими становятся ограничения для движения товаров и капиталов. Однако массы людей на земном шаре впервые действительно осознают единство планеты. Но это не означает, что они везде в случае переселения столкнутся с равным принятием. То есть в одних экономиках происходит их набор как рабочей силы, из них будут выплавлять компоненты некой новой массы, нации, скорее всего, а может быть, и наднационального явления. В случае Евразии непонятно, как это будет происходить с Центральной Азией, но ясно, что ни Москва, ни Пекин не отдадут этот регион США. По крайней мере, это показывает борьба в Афганистане, где США довольно серьёзно заблокированы, и в этом ощущается плод общих усилий России, Пакистана и Китая. Во множестве точек на планете будут сталкиваться интересы старых и новых центров, что окажет влияние на общество.

В старых центрах капитализма общество неудовлетворено. События во Франции конца 2018 – начала 2019 гг. показывают: радикальный левый протест возможен, но в случае его полного успеха вероятен отток капиталов и международное давление. Потому слово «бунт» корректно. Средние слои старых центров могут быть недовольны, но они встроены в сферу услуг, в офисное хозяйство и будут просто разорены в случае резкого разрыва с товарищами по команде, будь то ЕС или партнёрство с США. Общество может хотеть выскочить из ставшей уже проблемной модели, но это чрезвычайно непросто. Элиты блокируют изменения и пугают широкие слои социума не фантастическими задачами при резких решениях. Так было сломлено сопротивление Греции и Испании, а многие британцы больше не хотят разрыва с ЕС.

На фоне немалого социального накала в старых центрах выделяется умеренная позиция новых евразийских очагов. Они заинтересованы не в обострении ситуации на Западе, а в использовании существующего

дисбаланса. Например, Россия стремится делать ставку на неволь но девальвированный рубль для увеличения экономического потенциала и расширения линейки вывозимых товаров как можно больше.

Роль приезжих в двух группах стран принципиально отличается. Если мы посмотрим на Россию, мигрант приезжает и начинает включаться в среду. Он скорее мотивирован это делать, и препятствия этому не так велики: они искусственно не создаются властями или ими сохраняются, если не считать регулятивной системы и контроля. В старых центрах переселенец с большой вероятностью попадает в гетто, в том числе и культурное. В различных либеральных общественных проектах ему часто дают понять: его цель — сохранять идентичность и не его дело приспособливаться к местным условиям, а правила должны быть изменены во имя расширения многообразия. Однако чаще всего переселенец оставлен наедине с крайне консервативными общинами, где точек зрения может быть больше, чем на родине. Всё это вместо политики социализации, которая также не может быть одобрена абсолютным большинством коренного населения, поскольку в странах с такого типа проблемами высокая безработица. Так создаются условия для «правых бунтов».

В США Дональд Трамп использовал настроения «правого бунта». В стране не удовлетворён традиционный рабочий класс, особенно производственный. Он избрал Трампа, а Трамп не хочет опираться на эти слои как на силу преобразования, он их просто использовал и решает более узкую задачу, которая, впрочем, даёт шанс на удовлетворение экономических требований его избирателей. Специфической проблемой являются «левые бунты»: массовые выступления под популистскими лозунгами с целью защитить социальное государство, снизить налоги или создать систему общественной и трудовой защиты. Это явление также характерно для старых центров, как и склонность к «правому бунту». Его черты: неверие в политические союзы и отсутствие движения политических партий-лидеров классического левого типа.

В итоге эта экономическая поляризация мира между старыми и новыми центрами приводит к тому, что разделяемого всеми консенсуса, который именно и является действительно «глобальным всеобщим достоянием», так и не наблюдается, и в результате мы всё чаще видим противоречащие друг другу стратегии мирового развития.

Фиксируется конфликт между финансовым капиталом (Запад) и производственным капиталом (Евразия)

Глава 2. Миграция и «глобальное всеобщее достояние»

Одно из базовых противоречий мировой миграционной системы связано со свободой выезда и несвободой въезда. Возможность перемещения касается в основном свободного выезда граждан из своей страны. Но способность въезда в самые привлекательные по социально-экономическим характеристикам государства достаточно сильно контролируется самими этими странами. Они хотят проверять тех, кто будет въезжать, и устанавливают фильтры на допуск в соответствии со своими взглядами на иммиграцию.

На это накладывается ещё одно противоречие, которое касается принимающих и отдающих мигрантов государств. Страны-доноры охотно заключают международные соглашения различных уровней, касающиеся защиты прав многообразных типов мигрантов. Но страны-реципиенты очень осторожны в таких вопросах, неохотно подписывают соответствующего рода документы и не хотят брать на себя обязательства, влекущие за собой в том числе и финансовые расходы.

Эти противоречия существуют уже давно, но за последние десятилетия с улучшением всех типов коммуникаций, от новостных до транспортных, когда передвижение по миру стало простым, а информация перемещается почти мгновенно, — острота этих противоречий возросла и стала настоящим вызовом нашего времени. Сглаживание таких несоответствий в формате многостороннего диалога — долгий, но наиболее эффективный путь нивелирования парадоксов.

Ещё одним вызовом можно признать *экологическую миграцию*. В Евразийской миграционной системе проблемы окружающей среды в определённой мере стимулируют переезд, например, из отдельных регионов Узбекистана. Но существуют области, где экологические проблемы уже стали значимым фактором как внутренней, так и внешней миграции и определяют жизнь миллионов людей. По прогнозам климатологов, таких регионов со временем будет становиться всё больше. Очень тревожащей можно назвать ситуацию в Бангладеш, где затопление территорий и постепенное

наступление моря на сушу уже сдвинуло со своих привычных мест сотни тысяч людей, и ситуация продолжает ухудшаться. Если не удастся хотя бы частично решить проблемы изменения климата, в ближайшие десятки лет в экологическую миграцию будут вовлечены миллионы людей и никакие преграды, запреты и упреждающие иммиграционные меры не смогут остановить такое движение.

Следующим вызовом можно признать масштабные потоки беженцев, возникающих из-за локальных войн и военных конфликтов. Вмешательство в опосредованной или прямой форме развитых стран в местные боевые столкновения имело эффект в виде роста беженцев в эти богатые государства вне зависимости от их желания принимать переселенцев. Такая ситуация не вписывается в те программы переселения и миграционную политику развитых стран, которые там отработаны, а кроме того, у значительной части населения богатых государств усилилась обеспокоенность по поводу прочности общественных связей и систем безопасности этих стран. С сожалением приходится констатировать, что для организации защищённости развитых государств, принимающих переселенцев, новые мощные миграционные потоки, действительно, становятся настоящим вызовом. Решением в этом случае может стать усиление адаптационных и интеграционных программ с особым вниманием к уязвимым группам (молодёжь, женщины, дети).

Старение населения в государствах ЕС и нарастающее демографическое давление в развивающихся странах не позволят ограничить переселение в ЕС только миграцией из «новых» европейских государств. Другой вызов состоит в том, что приток переселенцев в развитые государства ЕС будет происходить не по тем правилам, которые намечены существующими мерами миграционной политики. Уже упоминавшееся противоречие принимающих и отдающих стран и нарастающее давление со стороны последних приведёт в ближайшем будущем под натиском избирателей в развитых странах ЕС к необходимости более жёсткой политики в области передвижения людей.

Если в результате локальных войн или экологических причин в движение придут миллионы мигрантов, не все из которых будут легально проникать в богатые страны, то в развитых государствах возникнет целый слой людей с неустойчивым финансовым состоянием, не полностью легализованных, и, безусловно, недовольных своим сложным положением. Они могут

Одно из базовых противоречий мировой миграционной системы связано со свободой выезда и несвободой въезда

ВЫЗОВ МИГРАЦИИ

Мигранты по категориям (млн)

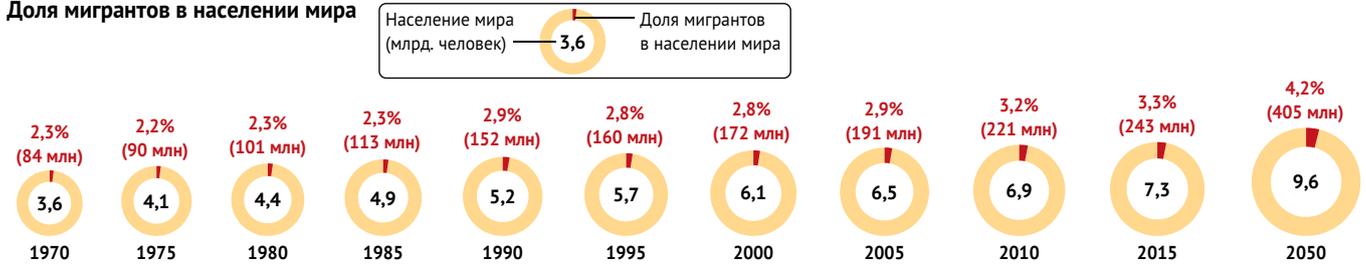
Источник: Международная организация по миграции, 2018.

Число международных мигрантов по региону прибытия и доля по происхождению в 2017 году

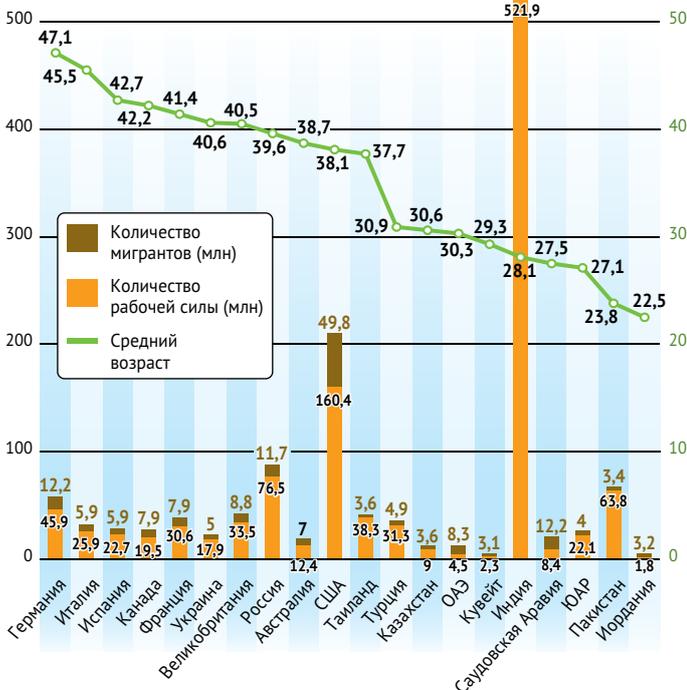
Источник: ООН, 2017.

Доля мигрантов в населении мира

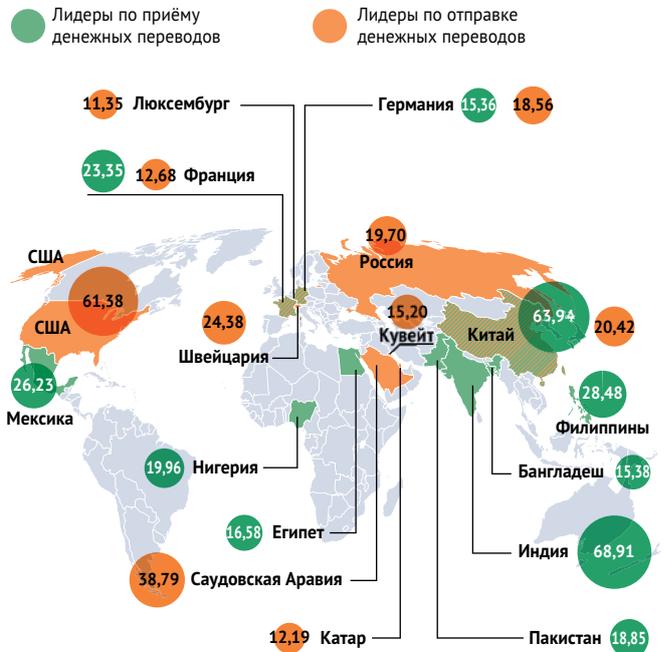
Источник: Международная организация по миграции, ООН.

20 стран, принимающих наибольшее количество международных мигрантов 2017 году

Источник: ООН, The World Factbook, 2017.

Лидеры по приёму/отправке денежных переводов (2000-2015), млрд \$

Источник: Всемирный банк, 2017.

представлять интерес для вербовщиков террористических организаций и радикальных групп. Отдельные примеры терактов, которые уже стали широко известны, окажутся не последними. Чем сильнее будет противодействие неконтролируемой миграции, чем сложнее барьеры и тяжелее путь легализации, тем проще работать вербовщикам радикальных групп в среде «новых бедных» – переселенцев, прибывающих в развитые страны. В этих условиях важны профилактические адаптационные и интеграционные меры.

Ещё одним серьёзным вызовом можно признать *проблему «полуторного поколения»*. Когда переселенцы, отцы и матери нынешних подростков и молодёжи, переезжали, например, в развитые страны ЕС, они имели сильную мотивацию и вполне определённые цели. Их дети уже не имеют такого мощного стремления, им сложнее выстраивать свою идентичность как гражданина государства. Часть из них находятся вне обеих культур – как отдающей, так и принимающей страны. Уже имея подданство страны, куда приехали их родители, они не всегда могут встроиться в её социальную среду. И с такой молодёжью необходимо вести специальную работу – так же, как с детьми иностранцев – неграждан.

Очередным вызовом является разница городской культуры принимающих сообществ и сельской культуры отдающих мигрантов сообществ. С точки зрения урбанизации, эта проблема уже хорошо знакома во многих государствах, но в условиях увеличивающейся внешней экспансии из аграрных регионов стран-доноров на разницу между сельской и городской культурами накладываются и различия в образе жизни представителей бедных и богатых государств. Здесь также необходима системная адаптационная работа с привлечением сил неправительственных организаций.

Вызовом в сфере передвижения людей является и *феминизация миграции*. Выезд представительниц слабого пола в составе семей или одиноких женщин и постепенное усиление процессов феминизации миграции ставят вопрос о гендерно ориентированной переселенческой политике, что далеко не всегда находит понимание в принимающих странах. Женщины – это уязвимая категория, по отношению к которой чаще применяется насилие, дискриминация, они также становятся ещё более незащищёнными, если перемещаются с детьми. Часто женщины-переселенцы приезжают в развитые государства из обществ, где господствуют более патриархальные отношения, что обуславливает необходимость их специальной адаптации к новым условиям.

Вызовом также является то, что попытки богатых государств-реципиентов мигрантов участвовать в развитии государств-доноров носят ограниченный эффект, приводят к незначительным результатам. Страны-доноры рабочей силы, принимая финансовую помощь в виде грантов на развитие или для выстраивания различных типов инфраструктуры, из-за неэффективных трат или коррумпированности элит нерезультативно её используют. В ситуации, когда денежные переводы рабочих поддерживают экономику отдающих трудовую силу стран, истеблишмент этих государств часто предпринимает недостаточно усилий для развития, которое впоследствии может выступить как фактор сдерживания дальнейшей трудовой эмиграции, вследствие того, что их вполне устраивает текущее положение дел. В этой ситуации перспективным видится помощь отдающим мигрантов государствам в переносе на их почву новых управленческих практик и опыта стратегического планирования.

Глава 3. Свобода информации как часть «глобального всеобщего достояния»

Текущий этап развития компьютерных технологий позволяет говорить не только о становлении информационного общества, но и о появлении такого феномена, как *сетевой фронтир* (а также электронный фронтир, киберфронтир, виртуальный фронтир, digital-фронтир), который появился в американском научном и публичном дискурсе в 1990-е гг., а позже был адаптирован и в российских исследованиях. Сетевой фронтир формируется на стыке онлайн и оффлайн пространств, при этом функционирует в виртуальной сфере и становится каналом связи между различными социальными и политическими группами, сетями, а также финансовыми и медийными потоками, выполняя функцию распространения информации, труда и капитала в других сетях². Если в 1990-е гг. присутствовало лишь весьма размытое представление о потенциальных

² Подробнее о «сетевом фронтире» см.: Морозова Е.В., Мирошниченко И.В., Рябченко Н.А. Фронтир сетевого общества // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Т. 60. № 2. С. 83–97; Фронтир сетевого общества как пространство политического взаимодействия. Монография / М.Т. Гандалоева, И.В. Мирошниченко, Е.В. Морозова, Н.В. Плотицкина, Н.А. Рябченко, М.В. Терешина, К.В. Ячменник. Краснодар: Перспективы образования, 2017. 272 с.

масштабах влияния информационной сферы на экономику, политику и общество, то в настоящее время очевидно складывание совершенно иного рода электронной среды, которая меняет не только повседневную жизнь значительной части населения планеты, но и неотвратимо воздействует на внутригосударственную и мировую политику.

Согласно данным Всемирного банка, в 2016 г. 45,7% населения планеты обладало доступом к интернету³, однако присутствует и определённая диспропорция. Так, наибольший процент людей, имеющих возможность пользоваться интернетом, проживает в Европе и в Северной Америке, впрочем, исключением в этом случае являются Япония, Южная Корея, Бахрейн, Кувейт и Объединённые Арабские Эмираты, в которых данный показатель достигает 90–95% вопреки принадлежности к иным регионам⁴.

Значимой характеристикой сетевого фронта является мифологизация киберпространства⁵. Наиболее важный миф заключается в представлении о некоей информационной границе интернета как о месте, в котором возможна независимость от государственного и корпоративного контроля. Этот миф популярен среди активных сторонников анархической свободы киберпространства — киберлибертарианцев, которые утверждают, что виртуальные границы, как и интернет, не поддаются контролю (и не должны быть его объектом), поскольку такой мир одновременно везде и нигде. Безусловно, у данной точки зрения существуют и свои противники — киберпатерналисты, которые, напротив, утверждают, что архитектура сети может и должна быть использована для развития практик контроля.

Вследствие этого важно отметить, что включённость во взаимодействие в новой системе и принятие сетевой логики будет, по всей видимости, определять отношения господства и субъектности в зарождающемся информационном пространстве⁶, иными словами — физического существования в сетевом обществе окажется недостаточно. Данная тенденция не может не вызывать беспокойства у иерархических структур и, в первую очередь, у государств, наступление на субъектность и национальный суверенитет которых и так идёт по всем фронтам не первое десятилетие.

³ *Individuals Using the Internet Data. (% of population). The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.USER.ZS?end=2016&start=2016&view=bar>*

⁴ *Ibid.*

⁵ *Плотичкина Н.В. Мифология электронного фронта // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 1 (49). С. 80–88.*

⁶ *Морозова Е.В., Мирошниченко И.В., Рябченко Н.А. Фронтير сетевого общества // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 2. С. 83–97.*

НЕРАВЕНСТВО В ДОСТУПЕ К НАУКЕ И ТЕХНОЛОГИЯМ

Утечка мозгов

Показатели эмиграции, 2001-2010

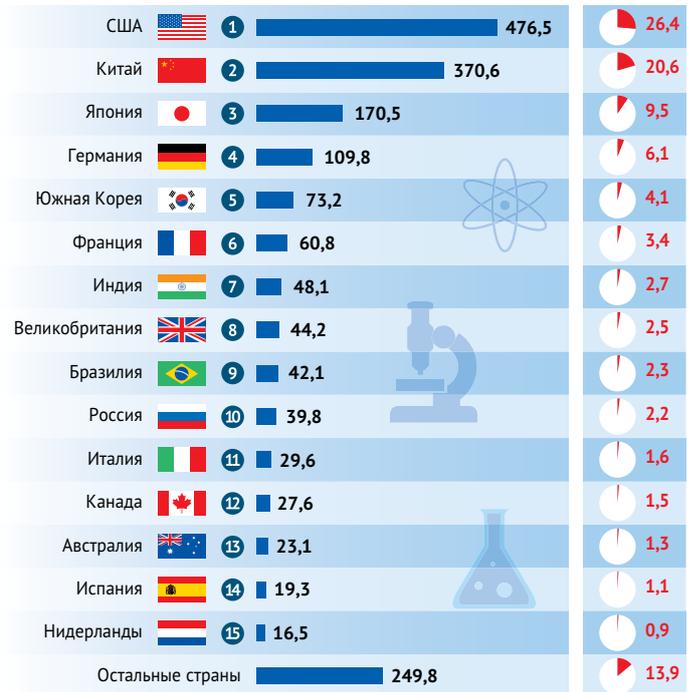

Источник: WIPO, 2013.

Расходы на НИОКР

Расходы на исследования и разработки (по ППС), \$ млрд

Глобальная доля (%)

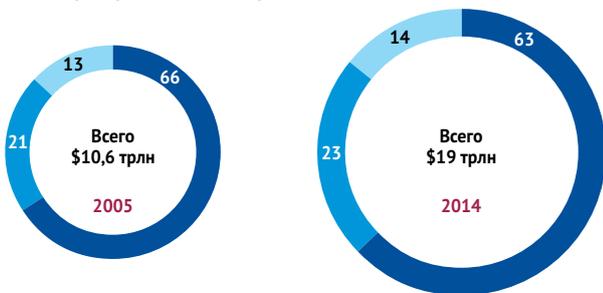
Источник: UNESCO Institute for Statistics.

Передвижение товаров, услуг, иностранных инвестиций и данных по всему миру

% от общего количества в мире

- Первые 15 стран
- Следующие 20 стран
- Все остальные

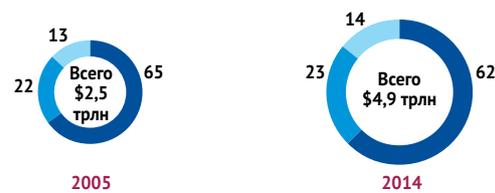
Глобальное распределение товарных потоков

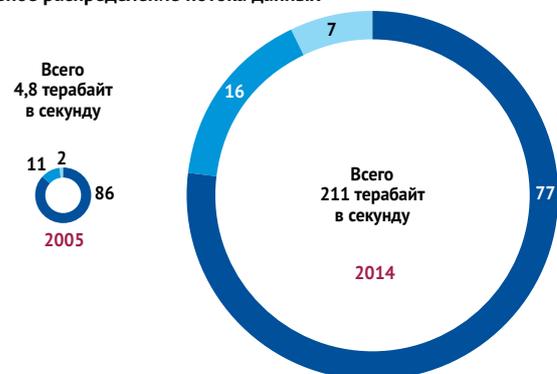
Глобальное распределение потоков ПИИ

Глобальное распределение потока услуг

Глобальное распределение потока данных

Источник: UNCTAD: IMF: TeleGeography. Global Internet Geography. McKinsey Global Institute analysis.

В ответ на вызовы информационного общества с 2000-х гг. (с 2010-х гг. в России) государственные структуры приступили к постепенной интеграции в электронное пространство, которая проявляется как в возникновении правительственных сервисов, так и в контроле над созданием и продвижением информации и фильтрацией сайтов. Ярким примером для России в этом отношении являются новые федеральные законы, устанавливающие правила и нормы хранения интернет-трафика и запрет на использование несертифицированных средств кодирования, а также ФЗ №276 и №241, которые, соответственно, препятствуют использованию анонимайзеров и инструментов доступа к нежелательному контенту и обязуют идентифицировать пользователей мессенджеров. Иными словами, государство перешло к освоению сетевого фронта с целью его регулирования.

Из этой мифологизации вырастает и новый род сообщений — так называемых fake news, которые можно считать мистификацией или намеренным распространением дезинформации как в социальных медиа, так и в традиционных СМИ с целью введения в заблуждение или получения политических или финансовых преимуществ. Причём выгоды из fake news могут извлекаться даже в высокой политике, когда в самом радикальном своём проявлении они перерастают в инструмент информационной войны.

По этой причине переход к цифровому обществу и переплетение виртуального и политического пространств осложняются значительным числом вызовов, проистекающих из сетевой среды и сопряжённых областей. К ним относятся этическое регулирование информационной сферы, идентичность в рамках сетевого общества, сохранность личных данных, цензура и кибербезопасность, интеллектуальная собственность и цифровая экономика, открытость, прозрачность и подотчётность органов государственной власти и частных компаний, модернизация, информационные перегрузки и психическое здоровье и, наконец, свобода информации в самых разных её проявлениях, что по всей видимости является одной из ключевых проблем, поскольку в сетевом обществе данные становятся наиболее ценным ресурсом, что безусловно позволяет воспринимать их как один из компонентов «глобального всеобщего достояния» в широкой трактовке данного термина.

С юридической точки зрения, свобода информации — это предоставление возможности индивидам на доступ к данным, а потому законодательные акты в данной области чаще всего устанавливают права и процедуры для получения публичных сведений. Впрочем, существует и альтернативное

толкование данного термина, которое включает в себя противостояние патентам, авторскому праву и интеллектуальной собственности в целом. Характерно, что данная трактовка свободы информации не только привлекает разобщённых любителей бесплатного контента, но, кроме того, способствует становлению новых политических движений, таких как «Пиратский интернационал» (Интернационал пиратских партий).

Учитывая сложность глобальных вызовов, стоящих перед международным сообществом, логично предположить, что успешное решение проблем «глобального всеобщего достояния» потребует не только широкого вовлечения самых разнообразных акторов и стейкхолдеров и массивных капиталовложений, но и разработки новых и использования существующих современных прикладных инструментов и знаний, что невозможно без поддержки академической среды. При этом ощутимой преградой на пути социально-экономического развития является ограничение *доступа к научной информации*.

Структура современной науки требует от учёных публикаций в рецензируемых изданиях, большая часть из которых распространяется на платной основе. Для доступа к научной информации исследователю необходимо либо оплатить её стоимость (как правило порядка \$20–30), либо иметь подписку на журнал, цена которой в среднем составляет около \$4–5 тыс., либо работать в организации, заключившей договор на централизованный доступ к подборкам статей. Учитывая то, что для проведения собственного исследования требуется изучить десятки и даже сотни работ, наука неизбежно становится непозволительной роскошью, в особенности для учёных из развивающихся стран. Аналогичные проблемы возникают и у исследовательских центров и институтов, затраты которых на подписку на профильные издания варьируется от \$500 тыс. до \$2 млн в год. В 2012 г. Гарвардский университет заявил о том, что более не может позволить себе повышение цен, навязанное многими крупными владельцами журналов, после того, как счета на подписку достигли \$3,5 млн в год. При этом рост цен у ряда издательств составил 145% за предшествующие 6 лет⁷.

Существуют легальные способы обхода платного доступа, в частности поиск препринта статьи или прямая связь с автором, однако такие методы весьма ненадёжны и затратны по времени. Стремление учёных реформатировать науку и сделать её более свободной вылилось в создание

⁷ Harvard University Says It Can't Afford Journal Publishers' Prices // The Guardian. 2012. April 24. URL: <https://www.theguardian.com/science/2012/apr/24/harvard-university-journal-publishers-prices>

движения за открытый доступ (Open Access Movement), начало которому положила Будапештская инициатива открытого доступа 2002 г. Главной задачей провозглашалось продвижение Open Access как базовой формы академических публикаций в обозримом будущем⁸. Несмотря на то, что данная инициатива привела к созданию большого числа научных журналов открытого доступа, основная её цель так и не была достигнута отчасти потому, что издания, распространяющиеся свободно, до сих пор в академических кругах воспринимаются как стоящие на более низкой ступени иерархии, но и в определённой степени потому, что многие попытки продвижения Open Access сталкиваются с агрессивным сопротивлением со стороны крупнейших издательств, обладающих достаточными возможностями для высококвалифицированного представительства собственных интересов.

Многие практики, принятые до цифровой эры, или постепенно уходят в прошлое, или вызывают отторжение у современного общества

Радикальным ответом на платный доступ к академическим знаниям стал проект Science Hub (Sci-Hub), созданный Александрой Элбакян в 2011 г. Sci-Hub является научным аналогом The Pirate Bay – крупнейшего в мире BitTorrent-индексатора – и позволяет получить доступ к практически любой платной публикации, имеющей идентификационный номер DOI, что с юридической точки зрения является пиратством и нарушает авторские права издательств. Данный фактор, впрочем, не останавливает заинтересованных людей. Sci-Hub, который в настоящий момент располагает доступом к более чем 64 млн пиратских копий научных публикаций⁹, обладает самой широкой географией пользователей: большинство запросов поступает из Ирана, Китая, Индии, России, США и Бразилии¹⁰.

Вполне естественно, что данный сервис вызвал весьма острую реакцию со стороны правообладателей: в частности, издательств Elsevier и American Chemical Society, причём в случае с последним в распоряжении Sci-Hub находится порядка 99% статей, что самым серьёзным образом подрывает его работу. По итогу судебного разбирательства между сторонами в 2017 г. окружной суд США постановил присудить American Chemical Society \$4,8 млн¹¹, а Elsevier – \$15 млн в качестве компенсации ущерба

⁸ *Budapest Open Access Initiative*. URL: <https://www.budapestopenaccessinitiative.org/read>

⁹ *Science's Pirate Queen // The Verge*. 2018. February 8. URL: <https://www.theverge.com/2018/2/8/16985666/alexandra-elbakyan-sci-hub-open-access-science-papers-lawsuit>

¹⁰ *Bohannon J. Who's Downloading Pirated Papers? Everyone // Science*. 2016. 352 (6285). P. 508–512.

¹¹ *Kwon D. American Chemical Society Wins Lawsuit Against Sci-Hub // The Scientist*. 2017. November 7. URL: <https://www.the-scientist.com/news-opinion/american-chemical-society-wins-lawsuit-against-sci-hub-30648>

за нарушение авторских прав¹². Примечательно также, что попытки блокировки (в большинстве своём неудачные, поскольку ресурс продолжил появляться под новыми доменными именами) и судебные тяжбы вокруг Sci-Hub возымели обратный эффект и стали причиной резкого увеличения популярности ресурса: пик пришёлся на решение о присуждении штрафа в пользу издательства Elsevier – тогда посещаемость сайта выросла в 10 раз¹³.

Таким образом, сетевой фронт находится в пограничной зоне. Пример Sci-Hub, во-первых, свидетельствует о том, что эта область плохо поддаётся регулированию, а во-вторых – что многие практики, принятые до цифровой эры, или постепенно уходят в прошлое, или вызывают отторжение у современного общества, в особенности у молодого поколения, привыкшего к большей виртуальной свободе. По всей видимости, и государствам, и компаниям придётся либо находить новые, всё более изощрённые методы регулирования сетевого пространства, либо же адаптироваться к современной реальности, продиктованной технологическими и коммуникационными инновациями, изменяющими саму логику взаимодействия во всех сферах экономики, политики и общества.

Глава 4. Инновации как элемент «глобального всеобщего достояния»

Аристотель в своей «Политике» писал: «Если даже согласиться с тем, что высшим благом для общества оказывается его единство, доведённое до крайних пределов, всё равно о такой общности не будет свидетельствовать положение, когда все вместе будут говорить: «Это моё» и «Это не моё», но в действительности всё-таки собственность каждый будет считать своей, а не принадлежащей каждому в отдельности, и поэтому к тому, что составляет предмет владения очень большого числа людей, прилагается наименьшая забота».

¹² Schiermeier Q. *US Court Grants Elsevier Millions in Damages from Sci-Hub* // *Nature*. 2017. June 22. URL: <https://www.nature.com/news/us-court-grants-elsevier-millions-in-damages-from-sci-hub-1.22196>

¹³ Himmelstein D.S., Romero A.R., Levernier J.G., et al. *Sci-Hub Provides Access to Nearly All Scholarly Literature* // *Elife*. 2018. No. 7. March 1.

При распространении инноваций, когда определённая технология с течением времени становится общедоступной, теряется представление о том, кто был её создателем и какие затрачивались на это ресурсы — финансовые или интеллектуальные. Все её копируют, все ею пользуются. И для самой технологии это только плюс. Если дальше происходит её развитие, то опять начинается процесс лицензирования, связанный с защитой прав интеллектуальной собственности, что позволяет ограничить доступ тех «безбилетников», которые не заплатили за возможность её использования.

Право на применение инноваций связано непосредственно с проблемой свободы распространения информации, и в том числе технологических и научных сведений и тех реально работающих практик и методов, которые были разработаны бизнесом. Роль частной инициативы тех, кто в действительности имеет представление о потребностях людей, оказывается наиболее значимой. В современных статьях, посвящённых теории и практике инновационной деятельности, обозначено представление о том, что необходимо стимулировать «открытые инновации». В процессе создания таких новшеств может принимать участие всё общество. Таким образом, вместо одного человека-генератора идей возникает распределённая сеть «средних специалистов», которые могут быстрее и эффективнее осуществить этот процесс. Соответственно, происходит ускорение информационного обмена между пользователями и внедрение инноваций.

В мире существует два основных способа обмена ресурсами. Первый — денежный (финансовый), в котором принимают участие рыночные акторы (агенты), и между ними возникает конкуренция. При этом отношения на рынке строятся вовсе не на доверии, а, скорее, на недоверии. Управление происходит через регулирование антимонопольной политики, и есть чёткие границы частной собственности. Второй способ обмена ресурсами в своей книге Ханзель Хандерсон обозначил как «экономику любви» — это то, что совершается не за деньги, а через сотрудничество, добровольный обмен и взаимопомощь. Такая конверсия происходит, когда люди собираются и делятся знаниями — не из-за какой-то финансовой выгоды, а потому, что это будет способствовать продвижению достижений, решению проблем. Подобная сделка по обмену ресурсами и такое сотрудничество приносят пользу всем акторам и лежат в основе создания инноваций.

Внедрение новых распределённых технологий, в том числе «зелёных» технологий, отражает переход к этой новой модели общества.

При использовании солнечных панелей каждое домохозяйство может накапливать и отдавать излишки электроэнергии в сеть, нивелировать провалы, возникающие, когда требуется большое количество энергии, и распределять накопленную энергию. Использование местных сообществ (это могут быть как виртуальные, так и реальные группы), неправительственных организаций для разработки и тестирования и улучшения продуктов и услуг также отражает эти тенденции.

Под инновациями может пониматься абсолютно всё, что увеличивает стоимость активов. Когда к процессу подключаются организации гражданского общества, они делают много работы добровольно, помогают спланировать социум ради достижения какой-то цели. Эту характерную черту отмечал в своей книге «Богатство сетей» Й. Бенклер.

Дешёвые вычислительные мощности и сети позволяют сформировать передовые ценностные ориентиры, создать новые продукты. Поэтому люди выступают уже не просто как агенты в экономике, а как самоорганизуемые группы, в том числе по интересам, связанные с новыми технологиями. Благодаря им появляются информационные сообщества, которые образуются стихийно до того, как та или иная технология попадёт на рынок и будет коммерциализирована. Такие группы закладывают правила эффективного управления новыми технологиями, которые в дальнейшем смогут стать глобальным достоянием, а не просто принадлежать отдельной корпорации или быть собственностью национального государства. В результате мы получаем ресурс, к которому всё общество будет иметь неограниченный доступ.

Проблему открытости можно рассматривать в разных областях. Она есть и в науке, и в образовании, и в сфере этих общих достояний или технологий. Множество акторов задействовано во всех инновационных процессах, и открытость говорит о том, что любой человек может иметь свободу не только доступа, но ещё и на использование и изменение технологий, а также на распространение результата. В новой среде сложно говорить о национальной конкурентоспособности, так как бедные страны получают новинки от богатых стран или они не достаются им вообще. Здесь имеется проблема того, что те государства, которым знания и технологии поступают уже в готовом виде, не могут воспользоваться ими для их совершенствования, потому что им не хватает ни мощностей, ни научного потенциала. Развитые страны могут оказать только техническую помощь. Вследствие этого здесь сохраняется определённая географическая заданность, которая препятствует тому, чтобы технологии распространялись как «глобальное всеобщее достояние».

Как реализуется на практике принцип открытости? Используют ли его глобальные корпорации и для чего? Представим, что интернет-сообщество подключилось к процессу разработки программного обеспечения. Какие выгоды получают от этого на практике технологические компании? Прежде всего, сокращение их затрат на разработку способствует тому, что высвободившиеся финансы они могут пустить в смежную сферу для развития новых местных рынков на территориях других государств.

Перейдём к вопросу о научном потенциале инноваций. Способствуют ли они развитию системы знаний, в том числе благодаря новому сектору *гражданской науки*? В случае интернет-проекта Galaxy Zoo добровольцы из разных стран мира привлекались с тем, чтобы классифицировать галактики. Если бы эта работа велась индивидуальными исследователями, учёными, то она бы заняла 83 года их жизни, а проект в результате подключения волонтеров завершился за семь месяцев. Действительно, использование сетевых ресурсов и привлечение гражданского общества к развитию науки и технологий и совершенствованию продуктов и услуг позволяют нарастить мощность и производительность. Обмен результатами исследований способствует привлечению финансирования в государственные учреждения. Ускорение передачи информации благодаря технологиям позволяет быстрее публиковать книги и статьи и делиться достижениями, которые, будучи созданными в одной стране, становятся доступными и в другой точке света. Соответственно, итоги исследований и разработок, ноу-хау будут известны в глобальных компаниях по всему миру, где их внедрение и использование увеличивает качество выпускаемой продукции.

Инновации действительно можно рассматривать как всеобщее, глобальное достояние вследствие того, что они способствуют решению конкретных вопросов в разных областях: в сфере здравоохранения, в доступе к воде, в борьбе с изменением климата, переходе к «чистой энергетике» и при возникновении проблем с безопасностью. Кроме того, технологии способствуют созданию доверия между людьми, выраженного в совместном управлении активами. Наглядный пример в сфере финансов — блокчейн, когда на смену традиционному управлению денежными средствами приходит сетевое распределение и контроль, а место центральных банков в этой системе начинают занимать программисты. Другой пример — в сфере «чистой энергетике», где также происходит перераспределение энергии и уже нет необходимости в централизации. В сфере глобального здравоохранения — более

**Запад попытается
в дальнейшем закрепить
за собой лидерство
благодаря внедрению
инноваций и контролю
ключевых технологий**

эффективно проводить работу по профилактике распространения заболеваний при использовании распределённых сетевых институтов.

Инновации нужны для роста, развития человеческого потенциала. Они позволяют увеличить производительность труда, автоматизировать рутинную, низкоквалифицированную деятельность, отказаться от вредного производства, но одновременно возникает риск и замены людей более высокой квалификации на технологии искусственного интеллекта. Автоматизация влияет на все сферы общества как на низы, так и на верхи. И соответственно, в современном мире требуются уже другие компетенции и квалификации.

Что будут делать те люди, которые будут жить не в современных инновационных хабах, а окажутся за пределами этой системы в технологических гетто и не смогут иметь доступ ко всем благам? Здесь возникает вопрос о неравенстве в мировом масштабе и о том, что даже доступные новинки действительно быстро устаревают. Если в развитом мире происходят постоянные обновления, которые стимулируют конкуренцию в экономическом смысле, то развивающийся мир может получить эти технологии только через какое-то неопределённое время – и то, они уже к тому времени устареют, что не способствует конкурентоспособности этих стран. Инновационный разрыв в мире будет сохраняться. Запад попытается в дальнейшем закрепить за собой лидерство благодаря внедрению инноваций и контролю ключевых технологий, что является политическим вызовом для развивающихся стран.

Что касается «догоняющих экономик», включая страны БРИКС, то здесь политическим вызовом является не способность производить технологии, не уступающие лидерам, но ограниченность в необходимых для этого ресурсах. Политический вызов в отношении развивающихся государств – возможность пополнения систем накопления знаний, поддержка такого курса, который стимулировал бы создание инновационных товаров, услуг и бизнеса для бедных слоёв населения. И частные вызовы инновационной политики для бедных заключаются в том, что в современном мире тем, кого можно причислить к этой категории, быть очень затратно, и служить неимущим оказывается тоже слишком дорого. Поэтому часто те страны, которые наиболее нуждаются в новых технологиях, не получают к ним доступа вообще, то есть они оказываются за пределами данной системы. В то же время население этих стран быстро растёт и при умелой политике потенциально может стать потребителем инноваций.

Заключение. Глобальное управление через призму «глобального всеобщего достояния»

Проблемы, связанные с эффективностью глобального управления, напрямую затрагивают сферу «глобального всеобщего достояния» человечества. Этот термин используется не только в узком экологическом смысле, но и в более широком социальном — как разделяемая всеми основа для гармоничного функционирования глобального общества в предстоящие десятилетия. Значительная часть мировых проблем связана с фундаментальным неравенством в доступе к ресурсам. Хотя, согласно императиву глобальной этики, каждый имеет право на равный доступ к благам, реальная ситуация представляется более сложной. Во многих случаях такое право оказывается фикцией.

Ведущие государства мира должны предпринимать согласованные усилия если не по преодолению этого неравенства в глобальном масштабе, то хотя бы по снижению его негативных последствий. В социальной сфере можно выделить несколько категорий «глобального всеобщего достояния», требующих особого внимания.

Глобальное социально- экономическое равенство

Вызов. Пожалуй, ключевой проблемой современного мира, несмотря на все усилия международных организаций, остаётся глобальное неравенство. Традиционный разрыв Севера с Югом дополняется в последнее время ростом противоречий между «старыми» финансовыми центрами Запада и новыми производящими экономиками Евразии и Латинской Америки. Это подрывает стабильность не только отдельных государств, но и в глобальном масштабе. Отсюда вытекает

и рост гражданских протестных настроений во многих странах мира. Сложившиеся ограничения на доступ к ресурсам, инновациям, технологиям и знаниям, к мировому трудовому рынку вызывают всё большее недовольство. Фрагментация мира превалирует над его глобальным сплочением.

Предложение. Необходимо вырабатывать глобальные решения таким образом, чтобы избежать усиления неравенства. Всем слоям населения мира, а также государствам (группам государств) с различными уровнями социально-экономического развития должно быть представлено расширенное представительство на международных форумах и площадках и равное влияние на принятие решений. Необходим диалог, а не торговые войны между финансовыми и производящими центрами мировой экономики.

Стремление к достойному уровню жизни

Вызов. В условиях, когда право на равный доступ к ресурсам остаётся фикцией, единственным способом для его реализации становится миграция. В такой логике переселение является не вынужденным шагом от безысходности, а неотъемлемой необходимостью. Но миграция становится и средством решения проблем, и их источником как для стран, поставляющих мигрантов, так и для государств, которые их принимают.

Мигранты нужны экономикам богатых стран глобального Севера со стареющим населением и сокращающейся рабочей силой. Вместе с тем проблемы, связанные с интеграцией иммигрантов в общество, становятся источником социального напряжения, ведут к росту праворадикальных настроений. Для миллионов людей из стран «глобального Юга» переселение – единственный шанс на достойную жизнь. Денежные переводы рабочих-мигрантов на родину необходимы их семьям и помогают сдерживать рост социальной напряжённости. Однако они же и тормозят структурные изменения в этих обществах. А многим из тех, кто оказался в результате миграции в более благополучных странах, трудно найти себя в том качестве, в котором они хотели бы себя видеть.

Предложение. Остановить миграцию невозможно — демографическое давление в странах глобального Юга будет только нарастать (прогнозируется, что к 2040 г. население Африки достигнет 2 млрд чел.). Инициативы по стимулированию развития стран-поставщиков мигрантов, скорее всего, не будут иметь успеха: существующее положение вещей выгодно местным элитам.

В последние годы наблюдается феминизация миграции: растёт число и доля женщин среди тех, кто пересекает границы государств с целью трудоустройства в других странах. В этом есть определённый шанс. С практической точки зрения, матери и их дети — самые добропорядочные граждане. Поэтому страны, принимающие мигрантов, должны оказывать им всемерную поддержку и защиту. Что касается стран-поставщиков мигрантов, наибольший трансформирующий эффект в них оказывает усвоение практик более успешных государств. Здесь также ключевая роль отводится переосмыслению положения женщин в обществе.

Уменьшение потока глобальной миграции возможно, прежде всего, через устранение неравенства Севера и Юга, Запада и Востока. В этой связи необходима широкая дискуссия в контексте подготавливаемого глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции. Также на повестку дня встаёт вопрос об обсуждении гибких подходов к восприятию государственного суверенитета в контексте свободы передвижения людей.

Свобода информации

Вызов. С появлением интернета свобода и быстрота распространения информации достигла невиданных масштабов, но в последние годы на фоне беспрецедентного роста числа и видов источников наблюдается снижение качества и достоверности сведений, а fake news становятся правилом медийной политики в ведущих странах мира. В международных отношениях происходит осознанный и почти абсолютный отказ от «этики холодной войны» и курс на полную демонизацию соперника. Медийные столкновения серьёзно трансформируют отдельные общества, поляризуя и деморализуя их.

Предложение. Успешная навигация аудитории в современном информационном океане невозможна без восстановления иерархии доверия в коммуникационной сфере. И на вершине этой пирамиды должны находиться профессиональные СМИ. Если в интернет-пространстве выковывается по-настоящему трансграничное общество, ему будут нужны новые медиа, способные как генерировать сведения, так и точно агрегировать и проверять ту информацию, которую участники коммуникации в сети предлагают остальным. Тем самым наступает новый журналистский ренессанс.

Доступ к научному знанию и инновациям

Вызов. Важнейшим фактором глобального неравенства является ограничение доступа к академическому знанию, технологиям и инновациям. Политика издательств приводит к тому, что цена подписки на научные журналы оказывается не по карману даже ведущим университетам (в 2012 г. об этом, в частности, заявил Гарвард). Учёные из стран со средним или низким уровнем дохода, оставаясь на родине, оказываются в заведомо проигрышном положении в плане обладания научной информацией. Глобальное неравенство в доступе к технологиям и инновациям также сдерживает динамику мирового развития.

Предложение. Необходимо способствовать открытости в науке и инновациях. Положительным примером может служить Будапештская инициатива открытого доступа, принятая в 2001 г. Ситуация неравенства в сферах науки и технологий порождает такие явления, как «интеллектуальное пиратство». Но пытаться бороться с ним путём блокировок и многомиллионных исков так же бесперспективно, как решать проблему с миграцией, строя «стены». Нужны новые подходы к правам интеллектуальной собственности.

В целом подходы к восприятию социального «глобального всеобщего достояния» человечества сложны и противоречивы. Более того, эти несоответствия уже стали причиной серьёзных конфликтов. В их основе по-прежнему лежит проблема мирового неравенства во всех её измерениях. Без её эффективного решения любые разговоры о «глобальном всеобщем достоянии» останутся лишь утопией или невыполнимыми благими пожеланиями.

 ValdaiClubRu
 ValdaiClubRu
 t.me/valdaiclub
 ValdaiClub
 valdaiclubcom
valdai@valdaiclub.com

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

Российский совет
по международным
делам

МГИМО
УНИВЕРСИТЕТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ